

III

Рими впервые узнала о евнухах, когда прибыла в Конкоку. В Вакоку их не было. Евнухи были мужчинами, которых лишили мужских функций, чтобы разрешить им работать в заднем дворце. В результате их тела казались стройными, со светлой кожей и высоким голосом по сравнению с другими мужчинами, они как бы ни полностью мужчины, и ни женщины, в них было что-то любопытное.

Однако «любопытный» даже близко не подходил к описанию евнуха, который сейчас сидел перед ней, освещенный свечой.

Он был почти как прекрасный дух...

Несмотря на то, что он сидел, Рими по длине его рук и ног предположила, что он, должно быть, был довольно высоким, его кожа была бледной, как шелк, пропитанный холодной водой, глаза и волосы были светло-каштановыми, что в целом производило очень бесцветное впечатление. Он обладал милой, пленительной красотой, более манящей, чем любая наложница в заднем дворце.

Однако выражение его лица было безжизненным, и он казался чрезвычайно усталым и вялым. Его красота сначала лишила Рими дара речи, но, заметив его вялость, она нахмурила брови.

"Эм... Вы плохо себя чувствуете? Вы не похожи на человека, который пришел бы сюда так поздно."

Шэньи, который он носил, был сделан из темного шелка, и его качество было очевидно по его блеску.

"Как и ты. Ты дворцовая женщина, верно? Ты не похожа на одну из тех, кому место на кухне".

"У меня есть разрешение. Но дело не в этом. Вам нехорошо, не так ли? Я пойду позову кого-нибудь".

"Не волнуйся за меня, я всегда такой. Я просто забыл поужинать сегодня, понимаешь, и я подумал, что лучше бы я хоть что-нибудь съел. Поэтому я зашел на первую попавшуюся кухню, но здесь никого не было. Аппетита у меня изначально особо нет, поэтому я просто отдыхал здесь».

«Нет аппетита?» Услышав это, Рими ответила: «Я что-нибудь приготовлю».

Евнух вытаращил глаза на рефлекторный ответ Рими: "Приготовишь что-нибудь? Ты имеешь в виду еду? Приготовишь?"

"Все правильно» кивнула она и сразу пошла осматривать печку. В печке еще тлел небольшой огонек. «С этим можно было бы сделать что-нибудь простое»- подумала Рими.

Верно, у меня уже есть хиянимизоре.

Она прошла в каменную комнату в глубине кухни, где охлаждали еду, достала блюдо из ниhogори — хиянимизоре, поставила его в кастрюлю и зажгла плиту, а также принесла дыню каоридзукэ, которая была рядом и порезала её. Она не могла готовить еду без работающего

языка. Она откусила кусочек мелко нарезанного каоридзукэ и почувствовала во рту нежный аромат, когда ее вкусовые рецепторы оживились.

«Кажется, он не очень хорошо себя чувствует, так что мне нужно приготовить что-нибудь легкое». Она вдруг обрадовалась этой неожиданной возможности приготовить для кого-то. Евнух, казалось, удивился Рими, которая начала бегать по кухне так внезапно.

"Ты, дворцовая женщина, серьезно собираешься приготовить еду? Все в порядке, тебе не нужно беспокоиться. Я все равно не в настроении есть".

"Кто-то, кто вошел на кухню в поисках еды, не в настроении есть? Это не очень убедительно. Не волнуйтесь, я хочу это сделать. Вы можете просто сидеть и закрыть свой чертов рот, если позволите."

Красивый евнух был ошеломлен на мгновение, а затем смущенно посмотрел на Рими.

"Ты не из Конкоку, не так ли? Что делает бы тебя... принцессой Вакокуан, Сэцу Рими, я так понимаю. Рими, кто научил тебя Конкокуану?"

"Переводчик из Вакоку. Первоначально он был моряком, который плавал между Конкоку и Вакоку".

«Понятно, это все объясняет. Закрой свой чертов рот, если позволите, да?»

Никогори в кастрюле начал таять от жара. Она приготовила этот хиянимизор из пресноводной рыбы. Чтобы убрать запах, она добавила имбирь и зеленый лук, дала покипеть и старательно удалила всю пену. Он превратился в прозрачную жидкость, в которой не требовалось никаких приправ, кроме соли. Чтобы добавить текстуру и сладость, а также сделать его более впечатляющим, она также добавила бобы, собранные весной.

Теперь она была в процессе разогрева и растапливания хиянимизоре. Когда она довела его до кипения, он превратился в суп с плавающей сверху фасолью. Затем она добавила кое-что из остатков сегодняшнего ужина: несколько тонких, квадратных листов из пшеницы, по-видимому, называемые вонтоны.

Вонтон буквально означает «облачный напиток», и, как следует из его названия, если вы поместите его в жидкость и нагреете, он станет мягким и белым, как облако, и станет напитком. Этот же вонтон делал суп более вязким.

Она почти закончила, и чтобы сделать вкус немного богаче, она добавила популярный соус конкокуан под названием ганцзян.

«Вот, попробуйте» Рими налила готовый суп в тарелку, подала евнуху вместе с тарелкой каоридзукэ и села напротив него.

Евнух на секунду смутился, но вскоре взял ложку и положил в рот ложку супа. Он продолжал молча, выпивая одну ложку за другой. Сочетание высококачественного рыбного бульона и слегка сладкого ганцзяна должно было породить нежное на вкус блюдо, а текстура вонтона должна облегчить проглатывание, подумала Рими.

Надеюсь, ему нравится. Вид того, как он подносит ложку ко рту, был каким-то чувственным. Думаю, даже такому красивому человеку, как он, приходится есть. Какое облегчение. Она почувствовала облегчение от того факта, что, несмотря на то, каким красивым он был, он не

был ни богом, ни духом, он ел пищу, как и любой другой человек.

Евнух отложил ложку, вместо нее взял пару палочек и сунул в рот кусочек каоридзукэ: "Что это? Сладко".

«Это блюдо из Вакоку. Оно называется каоридзукэ. Оно сладкое, но без сахара. И если вы будете есть много его, то станете здоровее. Оно полезно для вашей кожи».

«Я впервые пробую вакокуанскую еду. Мне нравится».

Он снова взял ложку. После того, как Рими некоторое время наблюдала за его пленительным ртом, когда он ел суп, он внезапно остановился. Тарелка с супом была пуста. Он выдохнул теплый воздух, и, казалось, оттенок цвета вернулся к его прежде бледным щекам. Рими могла сказать, не спрашивая, что он был доволен едой, и она почувствовала смесь облегчения и счастья.

«Вы часто так плохо себя чувствуете?»

"Я бы не сказал, что плохо себя чувствую. У меня просто не было аппетита, и мой желудок чувствовал себя вздутым".

Как только Рими потеряла чувство вкуса после переезда в задний дворец, она подумала, что, может быть, и этого прекрасного евнуха что-то тревожит, но, доев суп, он стал гораздо мягче, чем прежде. Она была поражена тем, как сильно может измениться чье-то поведение после одной тарелки супа. Если он продолжит есть то, что ему по вкусу каждый день, то возможно к нему вернется аппетит - подумала она.

Его перемена сделала ее счастливой.

"Я с радостью приготовлю тоже самое для вас в любое время. Просто дайте мне знать."

«Странно, правда?»

"Действительно очень необычно. Я должен как-то тебя отблагодарить. Есть что-нибудь, что ты хотела бы?"

"Не совсем. Я была бы счастлива, если бы вы просто приходили за мной, когда бы вам захотелось поесть".

Евнух посмотрел на Рими так, будто наблюдал за необычным животным, а потом расхохотался, и то был прекрасный смех.

"Ну, разве ты не милашка. Ладно, хорошо. Но если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится в будущем, я выполню любую твою просьбу".

"Какая-нибудь просьба...? Эм... Кто вы вообще такой?" Евнух говорил с такой уверенностью, что Рими стало любопытно. Должно быть, он был очень высокопоставленным евнухом, чтобы иметь возможность использовать свою власть так, как он пожелает.

«Я?» Евнух озорно улыбнулся, наклонился к Рими через стол и соблазнительно прошептал ей на ухо: «Это секрет».

Рими вскрикнула и откинулась назад, и, увидев ее реакцию, евнух расплылся в улыбке, встал со стула и вышел из кухни, растворившись в ночной тьме.

Рими схватилась за мочку уха, которой коснулось дыхание евнуха. Было щекотно, как будто бабочка села ей на ухо. Он был слишком манящим, слишком очаровательным, чтобы Рими могла с ним справиться.

Однако это был последний раз, когда Рими видела прекрасного евнуха. Она беспокоилась о его здоровье. Вероятно, он плохо ел, как и в ту ночь, когда они встретились.

Хотела бы я, чтобы он зашел перекусить, думала она, заходя на кухню почти каждую ночь.

Как и в большинство других ночей, она только что вернулась к себе после поиска еды на кухне. Она оставила весеннюю дыню, которую принесла в гостиной, и направилась в темную спальню. Стояла темная безлунная ночь. Она поставила слабо горящую свечу рядом с кроватью, и уже собиралась расстегнуть пояс, когда заметила, что что-то не так.

Подожди, а где Тама? Обычно Тама спала свернувшись на её кровати, но сейчас мышки нигде не было. Возможно, она где-то пряталась, но Тама обычно пряталась только тогда, когда в комнате были люди, кроме Рими.

"Нет, конечно, нет..." В тот момент, когда она произнесла эти слова, она почувствовала леденящее присутствие, приближающееся из темноты позади нее. Она попыталась обернуться, но прежде чем она успела, две большие руки схватили ее за плечи.

"Эй, мадам дворцовая женщина! Добрый вечерочек, а?"

Ее тело напряглось при звуке низкого мужского голоса. Это был задний дворец, куда не допускались мужчины, кроме евнухов, но мужчина позади нее явно не был евнухом. Она могла сказать, что он был хорошо сложен, мужественным и пугающим.

«К-кто здесь?»

"Неважно, кто я. У меня есть небольшая просьба к вам. Не могли бы вы передать свои самые ценные вещи?"

Мысли Рими сразу же обратились к ее горшку с каоридоко, который использовался для приготовления каоридзукэ. Все остальное, что у нее было, было принесено другими, когда она впервые присоединилась к заднему дворцу. Единственным особым предметом, которым владела Рими, была каоридоко.

«Н-нет, что угодно, только не это».

"Ну, ну, будь хорошей девочкой, и ничего плохого не случится. Но если ты не будешь хорошей девочкой, мне, возможно, придется кое-что с тобой сделать. Должен сказать, мадам дворцовая женщина, у тебя очень тонкая шея, кажется, я могу сломать её всего одной рукой». Одной рукой он слегка схватил Рими за шею. Ощущение холодной, твердой руки мужчины тут же наполнило ее ужасом.

Глаза тут же заслезились, ей ничего не оставалось, как кивнуть.

"Хорошая девочка. А теперь покажи мне, где оно. И не устраивай сцен".

Рими медленно подошла к краю своей кровати и взяла горшок, а мужчина с сомнением наблюдал.

«Оно там, да?»

Мужчина мягко толкнул Рими сзади, и она споткнулась. Прежде чем Рими успела осознать это, мужчина оказался перед ней и схватил горшок. Подняв взгляд от пола, она могла смутно различить фигуру мужчины. Она смогла разглядеть его лицо, но его крепкое, мускулистое тело и широкий меч, свисавший с пояса, были достаточно ужасающими.

"Забудь, что это когда-либо случалось. Теперь оно у меня, у нас все хорошо".

"Но... зачем? Зачем тебе оно? Кто ты?"

"Никаких вопросов. И больше никому об этом не рассказывай, поняла? Иначе, мне придется прийти и заткнуть тебя самому, Сэцу Рими» закончил мужчина, прежде чем молча покинуть комнату и исчезнуть в темноте.

Вид его ухода был настолько ярким, что Рими на мгновение усомнилась в своих глазах, ошарашенно сидя на полу, и вскоре по ее щекам потекли слезы.

«Мое каоридоко...»

Без него она не смогла бы приготовить каоридзукэ. А без каоридзукэ к ней никогда не вернулось бы чувство вкуса. Без чувства вкуса она не смогла бы приготовить хиянимизоре. Даже если бы тот бледный евнух появился снова, она не сможет готовить для него. Такими темпами она потеряет не только чувство вкуса, но и умение готовить. Этот человек практически украл единственный навык Рими. Пораженная горем из-за потери ее каоридоко, она была слишком потрясена, чтобы даже подумать о том, кто этот человек или почему он захотел ее каоридоко.

Когда она сидела на полу, одна слеза за другой падала на ее юбку, она слышала тихий писк из-под кровати, и появилась Тама. Тама вскочила ей на плечо и начала ворковать ей на ухо, как будто пытаясь успокоить её. Однако ее слезы не останавливались.

Скажите, что мне делать, леди Сайгу?

Столб, поддерживавший Рими, внезапно рухнул.

<http://tl.rulate.ru/book/76189/2291019>